

Е.В. Амелина

Лирические отступления и их значение в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»

Анализируя «Мертвые души» Гоголя, Белинский отмечал «глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность» поэмы, субъективность, которая не допускает автора «с апатическим равнодушием быть чуждым миру, им рисуемому, но заставляет его проводить через свою душу живую явления внешнего мира, а через то и в них вдыхать душу живую...»

Гоголь не случайно считал свое произведение поэмой. Тем самым писатель подчеркивал широту и эпичность повествования, значение в нем лирического начала. То же самое отмечал и критик К. Аксаков, увидевший в поэме «древний, гомеровский эпос»:

«Некоторым может показаться странным, что лица у Гоголя сменяются без особенной причины... Именно эпическое созерцание допускает это спокойное появление одного лица за другим без внешней связи, тогда как один мир объемлет их, связуя их глубоко и неразрывно единством внутренними».

Эпичность повествования, внутренний лиризм — все это явилось следствием творческих замыслов Гоголя. Известно, что писатель планировал создание большой поэмы, подобной «Божественной комедии» Данте. Первая часть (1 том) ее должна была соответствовать «Аду», вторая (2 том) — «Чистилищу», третья (3 том) — «Раю». Писатель думал о возможности духовного возрождения Чичикова, о появлении в поэме персонажей, воплотивших «несметное богатство русского духа» — «мужа, одаренного божескими доблестями», «чудной русской девицы». Все это придавало повествованию особый, глубокий лиризм.

Лирические отступления в поэме весьма разнообразны по своей тематике, пафосу и настроениям. Так, описывая путешествие Чичикова, писатель обращает наше внимание на множество деталей, как нельзя лучше характеризующих быт российской губернии. Например, гостиница, в которой остановился герой, была «известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов».

«Общая зала», куда отправляется Чичиков, хорошо известна всякому проезжающему: «те же стены, выкрашенные масляной краской, потемневшие сверху от трубочного дыма», «та же копченая люстра со множеством висящих стеклышек, которые прыгали и звенели всякий раз, когда половой бегал по истертым клеенкам», «те же картины во всю стену, писанные масляными красками».

Описывая губернаторскую вечеринку, Гоголь рассуждает о двух типах чиновников: «толстых» и «тоненьких». «Тоненькие» в авторском представлении — щеголи и франты, увивающиеся возле дам. Они нередко склонны к мотовству: «у тоненького за три года не остается ни одной души, не заложенной в ломбард». Толстые же порой не слишком привлекательны, но зато «основательны и практичны»: они никогда «не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко...» Толстые чиновники — «истинные столпы общества»: «послуживши богу и государю», они оставляют службу и делаются славными русскими барами, помещиками. В описании этом очевидна авторская сатира: Гоголь прекрасно представляет, какова была эта «чиновничья служба», принеся человеку «всеобщее уважение».

Часто автор сопровождает повествование общими ироническими замечаниями. Например, рассказывая о Петрушке и Селифане, Гоголь замечает, что ему неудобно занимать читателя людьми низкого класса. И далее: «Таков уж русский человек: страсть сильная зазнаться с тем, который бы хотя одним чином был его повыше, и шапочное знакомство с графом или князем для него лучше всяких тесных дружеских отношений».

В лирических отступлениях Гоголь рассуждает и о литературе, о писательском труде, о различных художественных стилях. В этих рассуждениях тоже присутствует авторская ирония, угадывается скрытая полемика писателя-реалиста с романтизмом.

Так, изображая характер Манилова, Гоголь иронически замечает, что гораздо легче изображать характеры большого размера, щедро бросая краски на полотно: «черные палящие глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, перекинутый через плечо черный или алый, как огонь, плащ — и портрет готов...» Но гораздо труднее описывать не романтических героев, а обычных людей, «которые с вида очень похожи между собою, а между тем, как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей».

В другом месте Гоголь рассуждает о двух типах писателей, имея в виду писателя-романтика и писателя-реалиста, сатирика. «Завиден прекрасный удел» первого, предпочитающего описывать характеры возвышенные, являющие «высокое достоинство человека». Но не такова судьба второго, «дерзнувшего вызвать наружу всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога». «Сурово его поприще», и не избежать ему современного суда, считающего произведения его «оскорблением человечества». Несомненно, что Гоголь говорит здесь и о собственной судьбе.

Сатирически описывает Гоголь жизненный уклад русских помещиков. Так, рассказывая о времяпрепровождении Манилова и его супруги, Гоголь как бы мимоходом замечает: «Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов... Зачем, например, глупо и без толку готовится на кухне? зачем довольно пусто в кладовой? зачем воровка ключница? ...Но все это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо».

В главе, посвященной Коробочке, писатель рассуждает о «необыкновенном умении» русского человека общаться с окружающими. И здесь звучит откровенная авторская ирония. Отметив достаточно бесцеремонное обращение Чичикова с Коробочкой, Гоголь замечает, что русский человек перегнал иностранца в умении общаться: «пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения». Причем характер этого общения зависит от размеров состояния собеседника: «у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста...».

В главе о Ноздрева Гоголь касается той же темы «русского общения», однако в другом, более позитивном, аспекте ее. Здесь писатель отмечает своеобразие нрава русского человека, его добродушие, отходчивость, незлобивость.

Характер Ноздрева вполне узнаваем — это «разбитной малый», лихач, кутила, игрок и дебошир. Он имеет обыкновение плутовать во время игры в карты, за что его неоднократно поколачивали. «И что всего страннее, — замечает Гоголь, — что может только на одной Руси случиться, он чрез несколько времени уже встречался опять с теми приятелями, которые его тузили, и встречался, как ни в чем не бывало, и он, как говорится, ничего, и они ничего».

В авторских отступлениях писатель рассуждает и о российском дворянском социальном слое, показывает, насколько далеки эти люди от всего русского, национального: от них «не услышишь ни одного порядочного русского слова», зато французскими, немецкими, английскими «наделят в таком количестве, что и не захочешь». Высшее общество поклоняется всему иностранному, забыв свои исконные традиции, обычаи. Интерес этих

людей к национальной культуре ограничивается постройкой на даче «избы в русском вкусе». В этом лирическом отступлении очевидна авторская сатира. Гоголь здесь призывает соотечественников быть патриотами своей страны, любить и уважать родной язык, обычаи и традиции.

Но основная тема лирических отступлений в поэме — это тема России и русского народа. Здесь голос автора становится взволнованным, тон — патетическим, ирония и сатира отступают на задний план.

В пятой главе Гоголь прославляет «живой и бойкий русский ум», необыкновенную талантливость народа, «метко сказанное русское слово». Чичиков, расспрашивая встреченного им мужика о Плюшкине, получает исчерпывающий ответ: «...заплатанной, заплатанной! – воскликнул мужик. Было им прибавлено и существительное к слову “заплатанной”, очень удачное, но неупотребительное в светском разговоре...». «Выражается сильно российский народ! – восклицает Гоголь, – и если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света».

Очень важен в лирических отступлениях образ дороги, проходящий через все произведение. Тема дороги появляется уже во второй главе, в описании поездки Чичикова в имение Манилова: «Едва только ушел назад город, как уже пошли писать по нашему обычаю чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор». В данном случае картина эта — фон, на котором происходит действие. Это типичный российский пейзаж.

В пятой главе дорога напоминает писателю о радостях и горестях человеческой жизни: «Везде, поперек каким бы ни было печалям, из которых плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, как иногда блестящий экипаж с золотой упряжью, картинными конями и сверкающим блеском стекол вдруг неожиданно пронесется мимо какой-нибудь заглухнувшей бедной деревушки...»

В главе о Плюшкине Гоголь рассуждает о восприимчивости людей различного возраста к жизненным впечатлениям. Писатель здесь описывает свои детские и юношеские чувства, связанные с дорогой, с путешествием, когда все окружающее вызывало в нем живой интерес и любопытство. А затем Гоголь сравнивает впечатления эти со своим теперешним равнодушием, охлаждением к явлениям жизни. Авторское размышление завершается здесь грустным восклицанием: «О моя юность! о моя свежесть!»

Это размышление автора незаметно переходит в мысль о том, как с возрастом может измениться характер человека, его внутренний облик. Гоголь говорит о том, как может измениться человек в старости, до какой «ничтожности, мелочности, гадости» может он прийти.

Оба авторских отступления здесь перекликаются с образом Плюшкина, с историей его жизни. И поэтому заканчивается гоголевская мысль искренним, взволнованным призывом к читателям сохранить в себе то лучшее, что свойственно юности: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает назад и обратно!»

Заканчивается первый том «Мертвых душ» описанием стремительно летящей вперед тройки, которое является настоящим апофеозом России и русского характера:

«И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: “Черт побери все!” — его ли душе не любить ее? ...Эх, тройка! птица-тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета... Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный

в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Таким образом, лирические отступления в поэме разнообразны. Это и сатирические зарисовки Гоголя, и картины российского быта, и рассуждения писателя о литературе, и иронические наблюдения над психологией русского человека, особенностями русской жизни, и патетические мысли о будущем страны, о талантливости русского народа, о широте русской души.